

Факторы и направления развития современной научно-образовательной политики России

Денисенко Виктор Васильевич¹

Начальник Управления информационной политики

 0000-0002-8185-4280

 denisenkoviktor@vk.com

Знаменский Дмитрий Юрьевич^{2,3}

Канд. полит. наук, доц. каф. государственного управления и политических технологий²,

доц. каф. истории и культурологии³

 0000-0002-3492-1567

 belyferz@list.ru

¹ Государственный академический университет гуманитарных наук, 119049, Мароковский переулок, д. 26., г. Москва, Россия

² Государственный университет управления, 109542, Рязанский проспект, д. 99., г. Москва, Россия

³ Национальный исследовательский университет — Московский энергетический институт, 111250, ул. Красноказарменная, д. 14, стр. 1., г. Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены формальные институты и неформальные практики российской государственной научно-образовательной политики, выявлены и систематизированы ее ключевые характеристики, а также внешние и внутренние факторы, определяющие современные трансформационные процессы. Актуальность исследования обусловлена необходимостью экспликации логики политических решений с учетом ценностных, идентификационных и геополитических детерминант, для предупреждения воспроизводства неэффективных институтов.

Объектом исследования выступает государственная научно-образовательная политика Российской Федерации (далее — РФ, Россия). Предметом становятся трансформационные процессы в научно-образовательной политике России с 2022 г. Цель работы — выявить и систематизировать ключевые факторы и приоритетные направления трансформации государственной научно-образовательной политики России с 2022 г. Методологическую основу исследования составляют системный метод и неинституциональный подход. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе трансформационных процессов в государственной научно-образовательной политике как целостном системном сдвиге, а также применении инструментов неинституциональных теорий для объяснения суверенизационного разворота российской политики посредством выявления взаимосвязей между формальными институциональными изменениями и воспроизводством неформальных практик.

На основе анализа соотношения властных связей целесообразно выделены функциональные уровни институциональной архитектуры управления научно-образовательной сферой в современной России. Формальный уровень характеризуется монополизацией управленческих функций органами государственной власти, а неформальная институциональная среда научно-образовательной политики — неразвитостью механизмов саморегуляции, и воспроизводством неэффективных практик, деформирующих формальные нормы. Выделены экзогенные факторы трансформации, обусловленные геополитической конфронтацией с элитными группами стран «объединенного Запада», а также эндогенные факторы, обусловленные институциональными дисфункциями предшествовавшей модели развития. Выявлены основные направления развития государственной научно-образовательной политики России: суверенизация научно-образовательной сферы, подчинение структурных изменений логике интеграции науки, образования и промышленности, централизация управления и ресурсного обеспечения, ценностное насыщение образовательного процесса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

государственная политика Российской Федерации, научно-образовательная политика, образовательная система, гуманитарная политика, суверенизация политики, трансформация политики, неформальные институты, проблемы развития

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Денисенко В.В., Знаменский Д.Ю. Факторы и направления развития современной научно-образовательной политики России // Управление. 2026. Т. 14. № 2. С. 94-106. DOI: 10.26425/2309-3633-2026-14-2-94-106



QR-код статьи

Поступила в редакцию

16.02.2026

Доработана

01. 04. 2026

Принята к публикации

06.04.2026

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Исследование выполнено без спонсорской поддержки

© Денисенко В.В.,
Знаменский Д.Ю., 2026.

Статья доступна по лицензии
Creative Commons Attribution
4.0. International (CC BY 4.0)



Factors and trends in the development of Russian modern scientific and educational policy

Viktor V. Denisenko¹

Head of the Information Policy Department

 0000-0002-8185-4280

 denisenkoviktor@vk.com

Dmitry Yu. Znamensky^{2,3}

Cand. Sci. (Polit), Assoc. Prof. at the Public Administration and Political Technologies Department²,
Assoc. Prof. at the History and Cultural Studies Department³

 0000-0002-3492-1567

 belyferz@list.ru

¹State Academic University of Humanities, 26, Maronovsky Lane, Moscow 119049, Russia

²State University of Management, 99, Ryazansky Prospekt, Moscow 109542, Russia,

³National Research University – Moscow Energy Institute, 14, building 1, Krasnobarracmennaya Street, Moscow 111250, Russia

ABSTRACT

The article examines the formal institutions and informal practices of the Russian state science and education policy, identifies and systematizes its key characteristics, and identifies the external and internal factors that determine the current transformation processes. The relevance of the study is due to the need to explicate the logic of political decisions, taking into account value, identity, and geopolitical determinants, in order to prevent the reproduction of ineffective institutions.

The object of the study is the state science and education policy of the Russian Federation. The subject is the transformation processes in Russia's science and education policy since 2022. The purpose of the study is to identify and systematize the key factors and priority areas of transformation in Russia's state science and education policy since 2022.

The research is based on a systematic method and a neo-institutional approach. The scientific novelty of the study lies in the comprehensive analysis of the transformation processes in state science and education policy as a holistic systemic shift, as well as the application of neo-institutional theories to explain the sovereigntist turn of Russian policy by identifying the relationships between formal institutional changes and the reproduction of informal practices.

Based on the analysis of the relationship of power, it is expedient to identify the functional levels of the institutional architecture of the management of the scientific and educational sphere in modern Russia. The formal level is characterized by the monopolization of management functions by state authorities, while the informal institutional environment of scientific and educational policy is characterized by the underdevelopment of self-regulation mechanisms and the reproduction of ineffective practices that distort formal norms. The article identifies exogenous factors of transformation caused by the geopolitical confrontation with the elite groups of the "united West" countries, as well as endogenous factors caused by the institutional dysfunctions of the previous development model. The article identifies the main directions of development of Russia's state scientific and educational policy: the sovereignty of the scientific and educational sphere, the subordination of structural changes to the logic of integration of science, education, and industry, the centralization of management and resource provision, and the value-based enrichment of the educational process.

KEYWORDS

state policy of Russia, science and education policy, educational system, humanitarian policy, sovereignty of policy, transformation of policy, informal institutions, development issues

FOR CITATION

Denisenko V.V., Znamensky D.Yu. (2026). Factors and trends in the development of Russian modern scientific and educational policy. *Upravlenie / Management (Russia)*, 14 (2), pp. 94-106. DOI: 10.26425/2309-3633-2026-14-2-94-106



QR code of the article

Received

16.02.2026

Revised

01.04.2026

Accepted

06.04.2026

CONFLICT OF INTEREST

The authors declare that there is no conflict of interest

FINANCING

The study was carried out without sponsorship

© Denisenko V.V.,
Znamensky D.Yu., 2026.

This is an open access article under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)



Введение / Introduction

Длительное время отечественная наука и высшая школа функционировали в парадигме интеграции в глобальное (де-факто — «западноцентричное») академическое пространство, что выражалось в участии в Болонском процессе, ориентации на международные рейтинговые системы и импорте соответствующих институциональных моделей. Процессы геополитической конфронтации 2022 г. выступили мощным экзогенным шоком, приведшим к форсированному пересмотру самих оснований государственной научно-образовательной политики. Очевидной стала потребность в замещении модели «догоняющей модернизации» современной суверенной, национально-ориентированной системой, сопрягающей цели технологической независимости, кадрового воспроизводства и ценностно-мировоззренческой консолидации общества.

Масштаб текущих институциональных преобразований требует систематизации и оценки их концептуальной согласованности, а логика принимаемых политических решений нуждается в экспликации, поскольку значимую роль играют ценностные и геополитические факторы. Указанные сдвиги актуализируют потребность комплексного анализа указанных политических процессов, отраженную в цели данной работы — выявить и систематизировать ключевые факторы и приоритетные направления трансформации государственной научно-образовательной политики России с 2022 г.

Методологический дизайн исследования базируется на сочетании системного и неинституционального подходов. Системная теория позволяет рассматривать научно-образовательную политику как открытую систему, испытывающую воздействие внешней среды и одновременно эволюционирующую под влиянием внутренних дисфункций и ресурсных ограничений. Неинституциональные концепции задают аналитическую рамку для исследования формальных институтов и неформальных практик, а также для интерпретации институциональной динамики. Данная методика позволяет преодолеть статичность классического институционализма и учесть динамический характер взаимодействия формальных и неформальных факторов, задающих рамки развития политических процессов. Прикладной потенциал исследовательской рамки раскрывается через ряд аналитических критериев: соотношение формальных и неформальных институтов, роль транзакционных издержек, степень автономии институциональных норм и степень зависимости трансформационных процессов от исторического пути.

Эмпирическую основу исследования составляют стратегические документы Российской Федерации (далее — РФ, Россия): Стратегия национальной безопасности, Стратегия научно-технологического развития, послания Президента и др., федеральное законодательство, данные государственной статистики и экспертно-аналитические

материалы. Практическая значимость работы определяется возможностью использования результатов при совершенствовании нормативно-правовой основы и механизмов реализации государственной научно-образовательной политики. Выявление системных дисфункций и институциональных ловушек, в которые может попадать отрасль, значимо для повышения институциональной эффективности, прогнозирования последствий и снижения рисков репликации неэффективных практик.

Формальные основания современной научно-образовательной политики России / Formal frameworks for Russian modern scientific and educational Policy

Институционально-правовой каркас отечественной научно-образовательной политики базируется на двух опорных федеральных законах отраслевого характера. Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» определяет соответствующее направление государственной деятельности как неотъемлемый элемент социально-экономического курса, устанавливающий целевые ориентиры и механизмы участия органов власти в развитии науки и техники¹. На основании предмета регулирования Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» можно дедуцировать содержательную характеристику государственной образовательной политики как совокупности мер, направленных на упорядочение общественных отношений в сфере обучения, обеспечение конституционных гарантий и создание условий для полноценной реализации права на образование². Принципиально важно, что взаимопроникновение указанных правовых полей закреплено на институциональном уровне.

Системный анализ федерального законодательства и стратегических документов позволяет сгруппировать декларируемые цели и принципы по смысловым основаниям^{3,4}. Во-первых, закреплён приоритет стратегического суверенитета, при котором научные исследования

¹ Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О науке и государственной научно-технической политике». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/ (дата обращения: 09.02.2026).

² Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об образовании в Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/27f9ddea0cccf9a6b90bb2cb8b545d436f18157b/ (дата обращения: 09.02.2026).

³ Там же.

⁴ Федеральный закон от 27.09.2013 № 253-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_152351/8948c9fce99b0f860dc88b54f978ca91d369a5ae/ (дата обращения: 09.02.2026).

и образование рассматриваются в качестве критических факторов обеспечения национальной безопасности и технологической независимости государства. Во-вторых, на нормативном уровне стимулируется институциональная интеграция, предполагающая формирование гибридных структур, ориентированных на реализацию бесшовной связи образования, науки и бизнеса в инновационных секторах экономики (модели взаимодействия «ВУЗ-НИИ-производство» и др.). В-третьих, фиксируется принцип управляемого плюрализма, призванный поддерживать баланс между императивами государственного регулирования, провозглашенной академической автономией и рыночной конкуренцией при очевидной концентрации ресурсов у органов государственной власти. В-четвертых, нормативно закрепляется ценностная легитимация курса через апелляцию к традиционным духовно-нравственным ориентирам. В-пятых, заявлен принцип адаптивного международного позиционирования, предписывающий использовать научно-образовательный потенциал не только в качестве инструмента защиты национальных интересов, но и для поддержания развития равноправного сотрудничества с дружественными странами.

Организационно-управленческая архитектура реализации данных принципов представляет собой сложную многоуровневую иерархию. На ее вершине находится Президент Российской Федерации, определяющий в соответствии с конституционными полномочиями магистральные векторы развития отрасли⁵. Ключевым механизмом обеспечения президентских функций выступает Администрация Президента, в структуре которой действует специализированное Управление по научно-образовательной политике, ответственное за информационно-аналитическое сопровождение и подготовку стратегических решений, а также координацию взаимодействия с органами законодательной и исполнительной власти и контроль деятельности органов государственной власти в части исполнения указов Президента и основных приоритетов государственной политики^{6,7}.

⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item#chapter4> (дата обращения: 09.02.2026).

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 06.04.2004 № 490 (ред. от 12.06.2024) «Об утверждении Положения об Администрации Президента Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47272/9375930629345c3f977dbbf1bf3730404b9afbd2/ (дата обращения: 09.02.2026).

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 25.06.2012 № 882 (ред. от 12.06.2024) «Об Управлении Президента Российской Федерации по научно-образовательной политике». Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-25062012-n-882/#100016> (дата обращения: 09.02.2026).

Важным консультативно-совещательным органом является Совет при Президенте по науке и образованию, чья задача сводится к экспертному сопровождению и гармонизации взаимодействия Правительства, федеральных органов исполнительной власти и академического сообщества при формировании государственных приоритетов⁸. Проецированию политических решений на уровне регионов в научно-образовательной, равно как и в других сферах, содействует институт полномочных представителей главы государства в федеральных округах, координирующий деятельность региональных и местных властей, а также согласовывающий ключевые кадровые назначения в подведомственных учреждениях науки и высшего образования⁹.

Основным исполнительным центром выступает Правительство Российской Федерации, функционирующее под общим руководством Президента и ответственное за проведение единой политики, в том числе в научно-образовательной сфере¹⁰. Именно Правительству подотчетны профильные федеральные министерства (Министерство образования и науки РФ, Министерство Просвещения России), осуществляющие нормативное регулирование и учредительные функции в отношении учреждений науки и высшего образования, а также система государственных фондов (Российский научный фонд, Российский центр научной информации), обеспечивающих грантовое финансирование на конкурсной основе¹¹. В данный исполнительный контур также интегрированы отраслевые государственные академии наук, выполняющие функции координации исследований и научно-методического обеспечения отраслевых программ. Особый статус закреплен за Российской академией наук, чья автономия в осуществлении фундаментальных исследований формально защищена от вмешательства органов власти. При этом на деле институт прочно встроен в общий механизм государственного управления научно-образовательной сферой, в том числе благодаря практике назначения руководителя Российской Академии

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 28.07.2012 № 1059 «О Совете при Президенте Российской Федерации по науке и образованию». Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70108580/#1000> (дата обращения: 09.02.2026).

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2000 № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/15492> (дата обращения: 09.02.2026).

¹⁰ Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46015> (дата обращения: 09.02.2026).

¹¹ Федеральный закон от 02.11.2013 № 291-ФЗ «О Российском научном фонде и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/37761> (дата обращения: 09.02.2026).

Наук (далее — РАН) из числа кандидатов, согласованных с Правительством — учредителем Академии и основным управляющим ее федеральным имуществом¹².

Вне вертикали исполнительной власти сформирован контур контроля и аудита:

- парламентский контроль реализуется Федеральным Собранием Российской Федерации, в том числе в рамках конституционной обязанности Правительства по отчетности о реализации единого государственного курса¹³;
- функции финансового и операционного аудита возложены на Счетную палату Российской Федерации — высший государственный контрольно-ревизионный орган, подотчетный Федеральному Собранию и оценивающий эффективность расходования бюджетных ассигнований¹⁴. Объектами указанного контроля в области науки и образования выступают: органы исполнительной власти, организации-получатели бюджетных субсидий, межгосударственные структуры (в рамках действующих межправительственных соглашений), а также, при определенных обстоятельствах, непосредственно образовательные и научные учреждения;
- инструментом гражданского участия призваны служить общественные советы при федеральных органах исполнительной власти, осуществляющие экспертизу нормативных проектов и мониторинг качества государственных услуг, функционируя на стыке администрирования и общественного контроля¹⁵.

Ключевые надзорные и регулятивные функции в научно-образовательной сфере консолидированы в рамках Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, напрямую подчиненной Правительству. Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки занимает положение одного из ключевых инструментов практической реализации государственной политики

¹² Федеральный закон от 27.09.2013 № 253-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_152351/8948c9fce99b0f860dc88b54f978ca91d369a5ae/ (дата обращения: 09.02.2026).

¹³ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об образовании в Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/27f9ddea0ccc9a6b90bb2cb8b545d436f18157b/ (дата обращения: 09.02.2026).

¹⁴ Федеральный закон от 05.04.2013 № 41-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О Счетной палате Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144621/d152be53cf6e65000f0db5ff196ca08d1101198a/ (дата обращения: 09.02.2026).

¹⁵ Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/6f120421afa55ebf868ce6f953f9188369dcf91f/ (дата обращения: 09.02.2026).

в научно-образовательной сфере, а его институциональная роль раскрывается через выполнение трех взаимосвязанных функций¹⁶:

- поддержание единства образовательного пространства России с помощью механизмов стандартизации, включая разработку и контроль соблюдения федеральных государственных образовательных стандартов;
- легитимация образовательной деятельности посредством официального признания правосубъектности образовательных организаций и реализуемых ими программ. Для этого используются процедуры лицензирования (подтверждение соответствия минимальным требованиям) и государственной аккредитации (официальное признание качества образования);
- оперативная корректировка прикладных инструментов научно-образовательной политики посредством выстраивания устойчивых каналов обратной связи с органами государственной власти, что позволяет своевременно выявлять недостатки регулирования и вносить необходимые изменения.

На основании анализа соотношения властных связей целесообразно выделить шесть функциональных уровней в институциональной архитектуре управления научно-образовательной сферой в современной России.

1. Стратегический уровень. Концентрирует в себе прерогативу определения долгосрочных векторов государственной политики и институционального дизайна ключевых органов управления (субъект — Президент России).

2. Координационный уровень. Обеспечивает межведомственную и межуровневую координацию, экспертное сопровождение принимаемых решений, а также реализацию значительных административных полномочий (формируется Администрацией Президента и аффилированными с ней структурами). Характерной чертой данного уровня является его производность от властных полномочий главы государства, что придает ему значимый вес в системе принятия решений.

3. Исполнительный уровень. Отвечает за формирование и практическую реализацию единой государственной политики (Правительство РФ как высший орган исполнительной власти, обеспечивающий проведение согласованного социально-экономического курса).

4. Отраслевой уровень. Осуществляет непосредственное оперативное управление и контроль реализации политики (субъектами выступают федеральные органы исполнительной власти и их региональные структуры).

¹⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 28.07.2018 № 885 (ред. от 07.03.2025) «Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_303876/ (дата обращения: 09.02.2026).

5. Уровень реализации. Низовой уровень исполнительной вертикали, в рамках которого меры государственной научно-образовательной политики непосредственно воплощаются в практику. Агенты данного уровня: федеральные образовательные и научные организации функционируют в рамках вертикальной системы подчинения вышестоящим органам).

6. Контрольный уровень. Осуществляет контрольно-ревизионные функции в отношении хода и результатов реализации государственной политики, выведен из иерархической вертикали (органы законодательной власти, счетная палата, общественные советы и т.д.).

Неформальное измерение российской научно-образовательной политики / Non-formal dimension of Russian scientific and educational policy

Параллельно с формализованными структурами управления, в научно-образовательной сфере функционирует комплекс неформальных правил, традиций и устойчивых практик, которые способны как органично дополнить, так и деформировать действие формальных институтов. России свойственна доминирующая роль государственных структур, но вместе с тем, необходимо констатировать перспективность расширения участия общественных институтов через механизмы независимой оценки качества и общественной аккредитации [А.Н. Майоров, 2014]. Ряд исследователей фиксируют в России возрастание влияния негосударственных факторов: центров публичной политики, независимых фондов и профессиональных ассоциаций, которые аккумулируют политический капитал, сопоставимый с влиянием традиционных законодательных институтов [Д. Ю. Знаменский, 2015]. Например, сформировался кластер общественных академий наук (Российская академия естественных наук и др.), способный эффективно содействовать как формированию, так и воплощению государственной политики.

Значимым негосударственным фактором выступает корпоративный сектор, деятельность которого снижает нагрузку на бюджет, стимулирует внедрение инноваций и повышение производительности труда [Е. Ю. Чарочкина, О. В. Согачева, Ю. А. Тимофеева, 2022]. В числе основных каналов взаимодействия бизнеса с наукой и образованием выделяются: государственно-частное партнерство, целевая подготовка кадров, грантовая поддержка перспективных разработок и выполнение коммерческих научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (далее — НИОКР) [Т. Ю. Павельева, 2011]. При этом государство сохраняет за собой функции определяющего системного фактора в рамках создания нормативных и стимулирующих условий (налоговые льготы, регулирование коммерциализации и т.д.), а также рычаги контроля над значительной частью корпоративного

сегмента — государственными корпорациями, посредством механизмов назначения их руководящих органов¹⁷.

Хотя данные структуры во многом формируются эпистемическими сообществами научно-образовательной сферы, все же они остаются достаточно формализованными. Центральным неформальным институтом, оказывающим двойственное воздействие на функционирование системы, является принцип академической автономии. В отечественной исследовательской традиции она трактуется как «институционализируемая самостоятельность вузов в решении вопросов, отнесенных к их компетенции», и закреплена в федеральном законодательстве через категории автономии образовательных организаций и академических свобод участников образовательного процесса [Л. М. Волосникова, 2005]. Зарубежные исследователи дифференцируют данное понятие на политическую (управленческая и кадровая независимость), академическую (свобода слова и направлений исследования) и финансовую (вопросы оплаты труда и финансово-хозяйственной деятельности) составляющие, каждая из которых является необходимым условием эффективности научно-образовательной деятельности [I. Ordorika, 2003].

Применительно к российским условиям Д.А. Ендовицкий сформулировал более детализированную рамку университетской автономии, отражающую присущий отечественной высшей школе баланс между академическими свободами и институциональной ответственностью перед государством и обществом [Д.А. Ендовицкий, 2020].

1. Университеты обладают самостоятельностью в планировании и реализации научно-образовательной деятельности. Профессиональное сообщество автономно в вопросах кадровой политики (например, принцип выборности руководителя и высших руководящих органов).

2. Право организаций самостоятельно выстраивать образовательную политику и устанавливать научные приоритеты.

3. Предполагается независимость университетов от бюрократического контроля при одновременном сохранении принципа подотчетности учредителю.

4. Учебные заведения самостоятельно распоряжаются закрепленным за ними имуществом и доходами, полученными от различных видов деятельности, что реализуется в рамках требований законодательства.

5. «Прозрачность» деятельности: автономия не отменяет, а, напротив, предполагает повышенные стандарты открытости.

Институциональным воплощением коллективной субъектности профессионального сообщества в России следует

¹⁷ Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 20.02.2026). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 09.02.2026).

считать профильные ассоциации (например, Российский союз ректоров) и, уже рассмотренные ранее, институты общественного контроля. Однако, данные институты во-многом не выполняют свой роли: исследователями фиксируется системная слабость профессионального сообщества как саморегулирующего института, поскольку коллегиальные механизмы зачастую заменяются административным регулированием со стороны руководителей. Реальная вовлеченность научно-педагогических работников в деятельность и контроль органов управления остается на достаточно низком уровне [А.А. Панова, А.А. Бывальцева, 2021]. Дополнительно автономия ограничивается слабой эффективностью институтов общественного контроля. Счетная палата России проводит регулярную оценку деятельности общественных советов при федеральных органах исполнительной власти, в основном по критериям открытости процессов.

Результаты мониторингов демонстрируют, что в среднем советы набирают менее половины от максимально возможного балла, а процедуры их формирования остаются непрозрачными и не сопровождаются надлежащим публичным информированием [П. А. Демидов, В. В. Буров, 2021]. Кроме того, социологические замеры среди руководителей вузов выявляют противоречивое восприятие реальной автономии учреждений: порядка 3/4 респондентов указывают на системный характер ограничений, проявляющийся в чрезмерном контрольно-надзорном давлении, расхождении декларативных установок и практики учета интересов университетов, а также в инструментализации вузов [Д. А. Ендовицкий, 2020].

Тенденция к усилению государственного регулирования проявляется и в нормативном измерении: с 2025 г. профильный орган исполнительной власти наделен полномочиями по определению приоритетных для государственной поддержки специальностей и регулированию внебюджетного приема, что объективно сужает финансовую самостоятельность образовательных организаций, а следовательно, и политическую¹⁸.

Исследователи склонны интерпретировать подобные процессы как трансформацию академической автономии в ходе модернизации образовательных систем, когда механизмы бюрократического контроля постепенно вытесняют традиционные университетские свободы. В следствие чего научно-образовательные организации начинают восприниматься не столько как автономные центры производства знаний, сколько как инструменты реализации государственных стратегических приоритетов [Е.К. Schmidt, К. Langberg, 2007]. Определенное ограничение автономии целесообразно рассматривать

и в качестве защитного механизма системы, направленного на противодействие деструктивным неформальным институтам — коррупции и клиентелизму. Исследователи связывают распространение коррупционных практик в образовании с тремя группами факторов: экономико-институциональными (хроническое недофинансирование, непрозрачность распределения ресурсов, межвузовская финансовая дифференциация), административно-управленческими (субъективизм кадровых назначений, избыточная бюрократизация) и социокультурными (низкий статус преподавателя, общественная толерантность к коррупции) [И. Л. Грошев, И. А. Грошева, 2010]. Ряд профильных экспертов подчеркивают, что риторика в поддержку расширения академической автономии зачастую нацелена именно на хозяйственную самостоятельность вузов, что при нарушении принципа прозрачности деятельности организаций создает благоприятную среду для злоупотреблений [О. В. Bain, 2003].

Актуальные характеристики государственной политики России в научно-образовательной сфере / Current characteristics of Russia's state policy in the scientific and educational sphere

Исследование институциональной среды научно-образовательной политики России выявляет устойчивую монополизацию управленческих функций органами государственной власти, предполагающую доминирование институтов стратегического и координационного уровней при формировании повестки. Современная архитектура управления отличается многослойностью: наряду с традиционными властными структурами, осуществляющими нормативное регулирование и надзор, в нее инкорпорированы органы стратегической экспертизы (например, Совет при Президенте Российской Федерации по науке и образованию) и отдельные элементы общественного участия. Анализ институционального дизайна и управленческой модели научно-образовательной политики России позволяет выделить несколько ключевых групп влияния:

- государственные институты, интересы которых концентрируются вокруг достижения стратегических национальных приоритетов: обеспечение технологического суверенитета, удержание административного контроля над отраслью, стимулирование прорывов в критически значимых областях знания;
- профессиональные сообщества, нацеленные на стабильное ресурсное обеспечение, сохранение академических свобод и интеграцию в глобальное научное пространство;
- корпоративные структуры, заинтересованные в целевой подготовке кадров высокой квалификации и проведении прикладных НИОКР (инструментом реализации данных интересов служат механизмы государственно-частного партнерства).

¹⁸ Федеральный закон от 23.05.2025 № 114-ФЗ «О внесении изменений в статьи 101 и 104 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». Режим доступа: <https://rg.ru/documents/2025/05/30/fz-114.html> (дата обращения: 09.02.2026).

Доминирование государства в исследуемой сфере коррелирует с исторически сложившимися особенностями отечественной государственности: патерналистский контроль власти над обществом и институциональная незрелость гражданского общества, ограничивающая его управленческую субъектность [Н.А. Омельченко, 2013]. Неформальная институциональная среда научно-образовательной политики характеризуется конфликтным сосуществованием декларируемой академической автономии и усиливающегося административного контроля, неразвитостью механизмов профессиональной саморегуляции и общественного участия, а также репликацией клиентелистских и коррупционных паттернов, деформирующих формальные нормы. Подобные деструктивные практики и их возможное укоренение допустимо интерпретировать как следствие высоких трансакционных издержек научно-образовательной сферы.

1. Поиск предприятиями реального сектора экономики квалифицированных специалистов и перспективных НИОКР в условиях инертности профессиональных сообществ и государство-центричной модели координации исследований.

2. Трудноизмеримость качества нематериальных услуг.

3. Гипертрофия формальных норм, ограничивающая академическую свободу.

4. Издержки оппортунистического поведения.

Рост издержек выступает серьезным препятствием для продуктивного взаимодействия субъектов научно-образовательной сферы и способствует воспроизводству маргинальных практик, а также является прямым производным жесткой вертикальной централизации и недостаточного развития механизмов общественного контроля, что оборачивается нарастанием бюрократической нагрузки и утратой системной гибкости.

Формальные и неформальные институты в российской научно-образовательной политике пребывают в состоянии симбиотического противоречия: законодательные нормы и иерархическая структура власти задают внешние границы, однако повседневное функционирование системы во многом детерминировано неформальными практиками. Правовые акты очерчивают стратегические рамки политики, тогда как клиентелизм, коррупционные схемы и административное усмотрение способны существенно исказить их применение. Примечательно, что подобные маргинальные проявления возникают как адаптивная реакция факторов на дисфункции формальных институтов, включая избыточную бюрократизацию и непрозрачность управленческих процедур. Таким образом, соотношение формальных и неформальных компонентов характеризуется, с одной стороны, доминированием официальных институтов при высокой значимости неформальных практик, выполняющих компенсаторную функцию, а с другой — устойчивым дисбалансом между декларируемыми целями политики и практикой их достижения.

Внешние факторы трансформации / External factors of transformation

Ретроспективный взгляд на трансформационные процессы в российской научно-образовательной политике позволяет заключить, что до 2020-х гг. они были во многом подчинены общемировым трендам: цифровизации образовательных моделей и стандартизации по западному образцу. Вместе с тем, указанные тенденции вступали в противоречие с отечественной культурной традицией и исторически сформировавшейся цивилизационной матрицей: управленческие инструменты, применявшиеся для модернизации российской научно-образовательной системы, заимствованы из институциональной парадигмы европейских стран, и объективно требовали адаптации и переосмысления [S. Sigman, 2008]. Однако, на протяжении двух десятилетий российская научно-образовательная политика развивалась в логике интеграции в западное академическое пространство: в 2003 г. состоялось присоединение России к Болонской декларации, и уже в 2005 г. последовал переход на двухуровневую систему подготовки кадров¹⁹.

Целеполагание во многом определялось ориентацией на критерии эффективности, задаваемые международными рейтинговыми агентствами (Quacquarelli Symonds, THE), оценка в которых существенным образом опиралась на наукометрические показатели публикационной активности в базах данных «Scopus» и «Web of Science», доступ к которым обеспечивался на общенациональном уровне за счет бюджетных средств. Наиболее амбициозным проектом данного периода стала инициированная в 2013 г. программа повышения конкурентоспособности вузов «5-100», нормативно закрепившая целью вхождение минимум пяти российских университетов в первую сотню ведущих мировых рейтингов²⁰. Целевые показатели основывались на заимствованных из практики стран Болонского процесса, механизмах наращивания численности иностранных студентов и зарубежных научно-педагогических работников, а также интенсификации публикационной активности в журналах, индексируемых в глобальных базах научного цитирования²¹.

¹⁹ Приказ Минобрнауки России от 15.02.2005 № 40 «О реализации положений Болонской декларации в системе высшего профессионального образования Российской Федерации». Режим доступа: <https://base.garant.ru/6153160/> (дата обращения: 09.02.2026).

²⁰ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35263> (дата обращения: 09.02.2026).

²¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 16.03.2013 № 211 «О мерах государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров». Режим доступа: <https://base.garant.ru/70336756/> (дата обращения: 09.02.2026).

По итогам реализации проекта заявленная ключевая цель достигнута не была. Результаты аудиторской проверки Счетной палаты показали, что методы реализации программы способствовали углублению дифференциации между образовательными организациями страны, поскольку привели к избыточной концентрации государственных ресурсов на поддержке узкой группы вузов (национальных исследовательских или федеральных университетов)²². В результате сформировалась элитарная страта организаций, многократно превосходящая прочие научно-образовательные центры по объемам финансового и кадрового обеспечения.

Нам представляется, что подобная поляризация затормозила общую динамику развития научно-образовательной экосистемы, поскольку были нарушены естественные рыночные механизмы конкуренции, в логике которых в тот период выстраивалась отечественная высшая школа. Например, стипендиальный фонд всех российских университетов в 2015 г. был секвестрован на 10 % в пользу финансирования программы «5-100» [Г. А. Ключарев, А. В. Неверов, 2018].

Ряд исследователей в целом считают, что ключевые показатели эффективности программы развития образования в 2013–2020 гг. были нацелены преимущественно на достижение внешнего символического эффекта и не несли в себе потенциала прорывного обновления содержательной стороны научно-образовательной сферы [М. В. Курбатова, 2016]. Недостаточная эффективность в ряде аспектов и деструктивный характер данного этапа реформ, находят подтверждение в статистических выкладках: к 2022 г. численность персонала, занятого исследованиями и разработками, сократилась в России на 10 % в сравнении с 2010 г.; доля исследователей в возрасте до 29 лет уменьшилась на 17,7 %; количество защит кандидатских диссертаций в 2022 г. снизилось на 53,6 % в сравнении с показателями 2010 г.²³

Рубежом, ознаменовавшим кардинальную смену внешних условий функционирования российской научно-образовательной системы, стали политические процессы 2022 г., повлекшие за собой приостановку членства России в структурах Болонского процесса. Также в рамках введенных санкционных ограничений

структурами Европейского союза было прекращено финансирование пяти программ сотрудничества, охватывавших развитие приграничного межрегионального партнерства, научно-образовательные обмены, поддержку демократических институтов и правозащитной деятельности, а также содействие политически и социально ориентированным некоммерческим организациям²⁴. Необходимо отметить, что содержательное наполнение ряда упомянутых программ в соответствии с законодательством может быть интерпретировано как противоречащее традиционным духовно-нравственным ценностям российского общества: например, отдельные инициативы предусматривали оказание правовой и политической поддержки лицам, пострадавшим от гендерного насилия, мигрантам и организованным движениям сексуальных меньшинств²⁵.

В данном контексте вполне логичными следует считать дальнейшие шаги государственной власти по ограничению формальных и неформальных институтов «мягкой силы» недружественных стран. В образовательное законодательство была введена дефиниция «просветительская деятельность», осуществляемая вне рамок образовательных программ, и установлен запрет на использование данного инструмента в целях политической агитации или распространения сведений, искажающих представления об исторических, национальных, религиозных и культурных традициях народов²⁶. Кроме того, национальным регулятором в сфере науки и высшего образования вузам рекомендовано воздерживаться от участия в европейских программах обмена (например, Erasmus), что может быть связано с наличием в них имплицитного политического компонента (механизмы продвижения ценностных нарративов в студенческой и преподавательской среде)²⁷.

Внешнелитературный вектор научно-образовательной политики России на современном этапе определяется установками, зафиксированными в Стратегии национальной безопасности, утвержденной в 2021 г.: научно-образовательная

²² Счетная палата Российской Федерации. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ эффективности мер государственной поддержки российских университетов, направленных на повышение их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров». 2021. Режим доступа: https://fgosvo.ru/uploadfiles/method/other/Report_effic_universities.pdf (дата обращения: 09.02.2026).

²³ Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. Кадры российской науки. 2023. Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/871682314.html> (дата обращения: 09.02.2026).

²⁴ МИД России. Комментарий официального представителя МИД России М.В. Захаровой в связи с приостановкой Европейской комиссией российского участия в программах приграничного и трансграничного сотрудничества между Россией и государствами - членами Евросоюза. 2022. Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1803130/ (дата обращения: 09.02.2026).

²⁵ Представительство Европейского союза в Российской Федерации. Объединяем усилия для обеспечения устойчивой поддержки уязвимых групп. 2021. Режим доступа: https://www.eeas.europa.eu/delegations/russia/объединяем-усилия-для-обеспечения-устойчивой-поддержки-уязвимых-групп_ru?z=177 (дата обращения: 09.02.2026).

²⁶ Федеральный закон от 05.04.2021 № 85-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_381385/ (дата обращения: 09.02.2026).

²⁷ ТАСС. Минобрнауки не рекомендует вузам РФ вести сотрудничество в рамках программы Erasmus+. 2022. Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/14784105> (дата обращения: 09.02.2026).

сфера позиционируется как значимый ресурс обеспечения международной конкурентоспособности страны. В области межгосударственного взаимодействия установлены следующие приоритеты: углубление кооперации с дружественными независимых государств (далее — СНГ) в рамках ключевых интеграционных объединений, выстраивание «всеобъемлющего и стратегического взаимодействия» с Китайской Народной Республикой и «особо привилегированного стратегического партнерства» с Индией. В числе прочих задач обозначены: укрепление позиций России в глобальном гуманитарном, культурном, научном и образовательном пространстве, продвижение русского языка как языка международного общения, а также противодействие попыткам фальсификации истории и защита исторической правды²⁸. Показательно, что из перечня субъектов взаимовыгодного сотрудничества в области экономики и коллективной безопасности (в сравнении с редакцией Стратегии 2015 г.), исключены прямые упоминания европейских стран, Европейского союза и Соединенных Штатов Америки. Данные факторы характеризуются как способствующие глобальной нестабильности посредством одностороннего использования инструментов недобросовестной конкуренции.

Таким образом, на высшем стратегическом уровне зафиксирован отказ от возможности восстановления отношений с элитными группами стран Запада на прежних основаниях и окончательная переориентация внешнего контура государственной политики на постсоветское пространство и страны Глобального Юга.

Внутренние факторы трансформации / Internal factors of transformation

Накопленные дисфункции курса, ориентированного на интеграцию в западные академические структуры, в новых условиях потребовали пересмотра направлений развития научно-образовательной сферы. Данный переход должен быть направлен на выработку новой современной модели, органично соединяющей отечественные традиции и заимствованные инструменты. Он не должен выражаться в механическом отторжении всех элементов предшествовавшего курса. Принципиальная рамка закреплена в уже упомянутой Стратегии национальной безопасности РФ 2021 г. Магистральными ориентирами в документе определены: развитие исследовательской инфраструктуры (в том числе установок класса «мегасайенс»), приоритетная поддержка научных кадров и талантливой молодежи, укрепление интеграции образования, науки и промышленности, форсированное создание отечественных технологий

в критических областях с акцентом на нужды обороны и предотвращение бесконтрольной передачи разработок за рубеж, а также выстраивание единой государственной системы управления наукой, образованием и инновациями²⁹. Программный характер новая линия обрела в Послании Президента Федеральному Собранию 2023 г. Взяв в качестве исходной точки анализа санкционное давление, В.В. Путин обозначил необходимость коренного пересмотра подходов к подготовке кадров, научно-технической политике и высшей школе в целом. Поставлена задача перестроить систему управления фундаментальной наукой, сделав упор на приток молодежи и получение прорывных результатов в критически значимых для безопасности страны областях, а также трансформировать высшее образование на основе синтеза советского опыта и наработок последних десятилетий³⁰.

Первые меры в данной плоскости приняты еще в 2021 г. — реформирована система подготовки кадров высшей квалификации: аспирантура выведена из-под действия федеральных государственных образовательных стандартов и перестала быть третьей ступенью высшего образования, образовательный компонент сокращен в пользу научного, что усилило роль научного руководителя, и в целом было направлено на снятие части формальных барьеров на пути молодого ученого к защите диссертации, сближая обновленную модель с советскими подходами³¹. Стержневым звеном трансформации стал инициированный в 2023 г. пилотный проект по совершенствованию системы высшего образования, запущенный в шести ведущих университетах страны.

Новая архитектура квалификаций предусматривает отказ от параллельного существования бакалавриата и специалитета в пользу единого уровня базового высшего образования, структурированного по укрупненным группам специальностей и направлений подготовки³².

²⁹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1> (дата обращения: 09.02.2026).

³⁰ Послание Президента Российской Федерации от 21.02.2023 б/н (Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина с Посланием Федеральному Собранию Российской Федерации). Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49010/page/1> (дата обращения: 09.02.2026).

³¹ Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 20.10.2021 № 951 «Об утверждении федеральных государственных требований к структуре программ подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), условиям их реализации, срокам освоения этих программ с учетом различных форм обучения, образовательных технологий и особенностей отдельных категорий аспирантов (адъюнктов)». Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202111230037> (дата обращения: 09.02.2026).

³² Постановление Правительства Российской Федерации от 09.08.2023 № 1302 «О реализации пилотного проекта, направленного на изменение уровней профессионального образования». Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/149162/> (дата обращения: 09.02.2026).

²⁸ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1> (дата обращения: 09.02.2026).

Магистратура, ординатура и ассистентура-стажировка объединяются в уровень специализированного высшего образования, который, в свою очередь, дифференцируется по характеру программ на профессиональный, исследовательский и управленческий профили. Сроки обучения перестают быть жестко привязанными к уровню и варьируются в зависимости от специальности. Не менее значимыми являются изменения в структуре образовательных программ: предусмотрено введение единого ядра, состоящего из двух тематических частей, и осваиваемого в первые два года обучения. Социогуманитарная часть регулируется государственным стандартом и нацелена на формирование патриотичной, гармонично развитой личности; фундаментальная часть ориентирована на освоение понятийного аппарата науки, развитие критического мышления и понимание теоретических основ профессии. Обе части устанавливаются централизованно для всех вузов в рамках соответствующих специальностей. Профессиональная же часть, на которую отводится весь последующий срок обучения, напрямую в своей содержательной части зависит от потребностей рынка труда: предполагается возможность вузов самостоятельно определять объем и содержание дисциплин при фиксированном минимальном объеме исследовательской и производственной подготовки.

Важным новшеством представляется также возможность обучающихся выстраивать индивидуальную образовательную траекторию с получением дополнительных квалификаций в период обучения³³. Подобная модель призвана сделать базовое высшее образование полноценным и самодостаточным без обязательного продолжения в магистратуре, а унификация гуманитарного и фундаментального ядра позволит снизить бюрократическую нагрузку на преподавателей.

В 2024 г. общий вектор трансформации подкреплен обновленной Стратегией научно-технологического развития России. Документ концептуально группирует ключевые направления вокруг нескольких прикладных направлений развития³⁴:

- создание сквозных цепочек «наука-образование-промышленность» через развитие передовых инженерных школ, опытных производств и студенческих конструктор-

ских бюро;

- обеспечение технологического суверенитета за счет уникальной исследовательской инфраструктуры, модернизации материальной базы и формирования отечественных научных баз данных;

- опережающая подготовка кадров посредством поддержки талантливой молодежи, обновления образовательных программ и повышения общественного престижа научной работы;

- консолидация ресурсов вокруг государственных задач и нужд экономики с внедрением механизмов долгосрочного предсказуемого финансирования, в том числе с привлечением внебюджетных источников.

В данной логике образовательные и научные организации рассматриваются как неотъемлемый элемент инновационного контура реального сектора экономики, реализующего полный цикл генерации технологий, а воспроизводство кадрового потенциала приравнивается к задаче обеспечения национальной безопасности. Рассмотренные меры направлены на достижение национальных целей, закрепленных указом Президента на период до 2030 г. (с перспективой до 2036 г.): непосредственно к научно-образовательной политике отнесены цели «технологическое лидерство» и «реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности»³⁵.

Важнейшим измерением трансформации выступает ценностный аспект: указом Президента в 2022 г. нормативно закреплены семнадцать традиционных духовно-нравственных ценностей, трактуемых как нравственные ориентиры, передающиеся от поколения к поколению и лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности³⁶. В русле государственной политики Министерство образования и науки России оперативно институционализировало воспитательную работу и молодежную политику: введены должности профильного заместителя руководителя в каждом вузе, разработаны типовые программы и календарный план воспитательной работы, в образовательные программы на обязательной основе включены курсы «История России» и «Основы российской государственности»³⁷. Принципиально значимым в данном

³³ Федеральное учебно-методическое объединение в системе высшего образования по укрупненной группе специальностей и направлений подготовки 22.00.00 «Технологии материалов». Нормативное регулирование новой модели высшего образования: принципиальные изменения. Новое высшее образование: каким оно будет (Доклад Фалькова В.Н. в ходе стратегической сессии «Нормативное регулирование новой модели высшего образования: принципиальные изменения». Москва, 14 февраля 2025 г.). 2025. Режим доступа: <https://fumo22.misis.ru/wp-content/uploads/2025/03/Презентация.pdf> (дата обращения: 09.02.2026).

³⁴ Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358> (дата обращения: 09.02.2026).

³⁵ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 09.02.2026).

³⁶ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 09.02.2026).

³⁷ Правительство Российской Федерации. Доклад о реализации государственной политики в сфере образования за 2022 год. 2023. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/GcesxuJA13AntFYxDYzpnNgsv7T1vX.pdf> (дата обращения: 09.02.2026).

контексте является закрепление на стратегическом уровне принципа, согласно которому любые реформы в области образования, воспитания и науки должны проводиться с опорой на исторические традиции и накопленный обществом опыт при условии широкого общественного обсуждения, что подчеркивает стремление государственной власти легитимировать преобразования через диалог с обществом и выстроить обновленную систему государственной политики в логике естественной для России институциональной матрицы³⁸.

Заключение / Conclusion

На основании проведенного анализа следует компоновать выявленные факторы современной трансформации научно образовательной политики России на две группы по степени контроля. Среди экзогенных факторов преобразований следует выделить: геополитическую конфронтацию с элитными группами стран «объединенного Запада», санкционное давление и обрыв значительной части международных научно-образовательных связей. Именно высокая степень конфликтности внешней среды выступила катализатором изменений, нацеленных на самостоятельное развитие страны в критических технологических областях. Внутренними же предпосылками стали системные дисфункции предшествовавшей модели, выраженные в неспособности предшествующей модели развития переломить деградационные тренды по важнейшим показателям эффективности. Также необходимо упомянуть институциональные деформации научно-образовательной системы: бюрократизацию и оппортунистическое поведение части академического сообщества.

Основные направления государственной политики логически группируются следующим образом.

1. Суверенизация научно-образовательной сферы. Проявляется в отказе от ориентированности на западные модели, создании национальных систем оценивания эффективности, развитии уникальной инфраструктуры класса «мегасайенс» и отечественных научных баз данных.

2. Подчинение структурных изменений логике модели «тройной спирали». Предполагает интеграцию науки, образования и промышленности в рамках современных институтов, ориентированных на запросы реального сектора экономики.

3. Централизация управления и ресурсного обеспечения. Государство консолидирует финансовые и организационные возможности вокруг национальных целей, формируя единое научно-технологическое пространство при собственной доминирующей роли.

4. Ценностное насыщение образовательного процесса. Обеспечивается унификацией социогуманитарной составляющей образовательных программ, усилением воспитательной функции вузов и реализацией программ патриотического воспитания.

Проведенное исследование позволяет квалифицировать трансформацию государственной научно-образовательной политики Российской Федерации после 2022 г., как комплексный и системный, хотя и вынужденно форсированный ответ на фундаментальные геополитические и социально-экономические сдвиги. Вектор изменений носит выраженный суверенизационный и мобилизационный характер и направлен на формирование единого контура, сопрягающего науку, образование и промышленность в целях обеспечения национальной безопасности и технологической независимости. Дополнительного внимания заслуживает последовательная линия государства на противодействие маргинальным практикам неформального уровня: действующая Стратегия национальной безопасности особенно выделяет задачу пресечения нецелевого использования и хищения бюджетных средств, в том числе при реализации национальных проектов, что свидетельствует о восприятии проблемы трансакционных издержек, способных исказить модернизационные процессы на неформальном уровне, как фундаментального вопроса реализации государственного курса³⁹.

Процесс принятия политических решений во многом обусловлен с конструируемой государством новой идентичностью защитника цивилизационного суверенитета перед лицом внешних угроз. Некоторые, не оптимальные с экономических позиций меры, видятся политически верными в соответствии с логикой уместности. Кроме того, отчетливой становится зависимость текущих преобразований от предшествующей траектории развития в логике неинституциональной теории «path dependence». В новых программах и проектах угадывается институциональная инерция: несмотря на декларируемый отказ от неэффективных практик, сохраняется тенденция к их модификации, а не к качественному замещению. Характерным признаком также служит реактивация отдельных советских институциональных форм, выступающая ускоренной реакцией на разрыв с Болонской системой. Иными словами, современная трансформация в ряде аспектов представляет собой адаптацию ранее опробованных паттернов к актуальным вызовам. Вместе с тем данная особенность может свидетельствовать о проведении реформ в русле естественной для России цивилизационной парадигмы.

³⁸ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 09.02.2026).

³⁹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1> (дата обращения: 09.02.2026).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Волосникова, Л. М. О принципе академической автономии / Л. М. Волосникова // Университетское управление: практика и анализ. — 2005. — № 5. — С. 44-49. — EDN HRONFX.
- Грошев, И. Л. Ключевые факторы коррупции в российской системе образования / И. Л. Грошев, И. А. Грошева // Terra Economicus. — 2010. — Т. 8, № 3. — С. 113-121. — EDN NBJQSH.
- Демидов, П.А. Открытость государства в России — 2021 / П. А. Демидов, В.В Буров. — Москва: Счетная палата Российской Федерации. Центр перспективных управленческих решений, 2021. — С. 145.
- Ендовицкий, Д.А. Автономия современных российских университетов (взгляд со стороны ректорского корпуса) / Д. А. Ендовицкий, Ю. А. Бубнов, К.М. Гайдар // Высшее образование в России. — 2020. — № 11. — С. 21-32. — DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-11-21-32. — EDN: WCBJHE.
- Знаменский, Д.Ю. Государственная научно-техническая политика Российской Федерации на современном этапе / Д.Ю. Знаменский // Власть. — 2015. — № 8. — С. 34-38. — EDN: UCTMKL.
- Ключарев, Г.А., Неверов, А.В. Проект «5-100»: некоторые промежуточные итоги / Г.А. Ключарев, А.В. Неверов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. — 2018. — № 1. — С. 100-116. — DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-100-116. — EDN: YNUEMU.
- Курбатова, М.В. Реформа высшего образования как институциональный проект российской бюрократии: содержание и последствия / М.В. Курбатова // Мир России. — 2016. — № 4. — С. 59-82. — EDN: WTIEXN.
- Майоров, А.Н. Новые формы участия общественных институтов в управлении образованием в соответствии с положениями законодательства об образовании в Российской Федерации / А.Н. Майоров // Ценности и смыслы. — 2014. — № 2(30). — С. 14-25. — EDN: SCZXPV.
- Омельченко, Н.А. О понятии «государственность», традиционных основах, условиях и факторах формирования российской государственности / Н.А. Омельченко // Вестник университета. — 2013. — № 20. — С. 55-61. — EDN: RSCIWR.
- Павельева, Т.Ю. Роль бизнес-организаций в развитии научно-образовательных школ в современной России / Т.Ю. Павельева // Бизнес в законе. — 2011. — № 6. — EDN: ONJEGD.
- Панова, А.А., Бывальцева, А.А. Академическая автономия и академическая свобода в российских вузах: информационный бюллетень. Москва: НИУ ВШЭ, 2021. — 32 с. — DOI: 10.17323/978-5-7598-2600-2. — ISBN: 978-5-7598-2600-2. — EDN: ZXPDUY.
- Чарочкина, Е.Ю. Роль бизнеса и государства в формировании научно-технологического потенциала страны / Е.Ю. Чарочкина, О.В. Согачева, Ю.А. Тимофеева // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. — 2022. — № 12(5). — С. 68-77. — DOI: 10.21869/2223-1552-2022-12-5-68-77. — EDN: UFOHBE.
- Bain, O. B. University autonomy in the Russian Federation since perestroika / O. B. Bain. — New York: Routledge Falmer, 2003. — Pp. 240.
- Ordorika, I. The limits of university autonomy: power and politics at the Universidad Nacional Autónoma de México / I. Ordorika // Higher Education. — 2003. — № 3. — Pp. 361-388. — DOI: 10.1023/A EDN: EQTLNT.
- Schmidt, E. K., Langberg, K. Academic Autonomy in a Rapidly Changing Higher Education Framework: Academia on the Procrustean Bed? / E. K. Schmidt, K. Langberg // European Education. — 2007. — № 4. — Pp. 80-94. — DOI: 10.2753/EUE1056-4934390406.
- Sigman, S. The impact of “New Public Management” in Russian higher education / S. Sigman. — Paris: IFRI, 2008. — Pp. 17.

REFERENCES

- Bain, O. B. (2003) *University autonomy in the Russian Federation since perestroika*. New York: Routledge Falmer.
- Charochkina, E.Yu., Sogacheva, O.V., Timofeeva, J.A. (2022). The Role of Business and the State in the Formation of the Country's Scientific and Technological Potential. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management*, 12(5), 68-77. (In Russian). <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-5-68-77>
- Demidov, P.A., Burov, V.V. (2021). The openness of the state in Russia — 2021. Moscow: Accounts Chamber of the Russian Federation. Center for advanced management solutions. (In Russian).
- Endovitskiy, D.A. (2020) Autonomy of Modern Russian Universities: Rectors' Attitude. *Higher Education in Russia*, 11, 21-32. (In Russian). <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-11-21-32>
- Groshev, I.L., Grosheva, I.A. (2010). Key factors of corruption in the Russian education system. *Terra Economicus*, 3, 113-121. (In Russian).
- Kliucharev, G.A., Neverov, A.V. (2018) Project «5-100»: Some interim results. *RUDN Journal of Sociology*, 1, 100-116. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-1-100-116>
- Kurbatova, M.V. (2016) Higher Education Reform as an Institutional Project of the Russian Bureaucracy: the Content and the Outcomes. *Universe of Russia*, 4, 59-82. (In Russian).
- Mayorov, A.N. (2014) New forms of participation of public institutions in education management in accordance with the provisions of the legislation on education in the Russian Federation. *Values and Meanings*, 2(30), 14-25. (In Russian).
- Omelchenko, N.A. (2013) On the concept of «statehood», the traditional foundations, conditions, and factors of the formation of Russian statehood. *Vestnik Universiteta*, 20, 55-61. (In Russian).
- Ordorika, I. (2003) The limits of university autonomy: power and politics at the Universidad Nacional Autónoma de México. *Higher Education*, 3, 361-388. <https://doi.org/10.1023/A:102582504110>
- Panova, A.A., Bivaltseva, A.A. (2021) *Academic Autonomy and Academic Freedom in Russian Universities: Information Bulletin*. Moscow: HSE University. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2600-2>
- Pavelieva, T.Yu. (2011) The Role of business organizations in the development of scientific and educational schools in modern Russia. *Business in Law*. (In Russian).
- Schmidt, E. K., Langberg, K. (2007) Academic Autonomy in a Rapidly Changing Higher Education Framework: *Academia on the Procrustean Bed?*. *European Education*, 4, 80-94. <https://doi.org/10.2753/EUE1056-4934390406>
- Sigman, S. (2008) *The impact of «New Public Management» in Russian higher education*. Paris: IFRI.
- Volosnikova, L.M. (2005) About the principle of academic autonomy. *University Management: Practice and Analysis*, 5, 44-49. (In Russian).
- Znamenskiy, D.Y. (2015) State Scientific and Technical Policy of the Russian Federation at Present. *The Authority*, 8, 34-38. (In Russian).